

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

ШЕДШЕ НАУЧИТЕ ВСѢ ЯЗЫКИ, КРѢЩАЕ
ИХЪ ВО ИМЯ ОЦА И СЫНА И СВѢТАГО ДУХА.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, СОСТОЯЩАГО ПОДЪ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

1910.

Годъ восемнадцатый.

ТОМЪ I.

№ 8.

АПРѢЛЬ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

„Русская Печатня“. Садовая-Триумфальная, домъ № 170.

1910.

некрѣпкое здоровье. Катихизаторы работаютъ, но Камен лучше Ватанабе. Но мало, слишкомъ мало, Владыка, катихизаторовъ!

Въ Цуяма катихизаторъ нуженъ, въ Окаяма—безусловно, а ждутъ катихизаторовъ и въ Нисиноура, и въ Сеноо...

Впрочемъ,—опять горькое, обидное, страшное: „а гдѣ ихъ взять? На какія средства воспитать?“...

Господи! Ты Своею силою сохрани то, что есть! Ополчилась на насъ туча безденежная, и гдѣ ужъ мечтать о „быстромъ ростѣ“ въ ширь!.. Ты нашу Церковь спаси и сохрани!

А я, Владыка, Вашъ и Церкви японской—усердный черно-рабочій: вотъ мое „настроение“ по окончаніи прихода о. Іакова.

О многомъ, здѣсь неписанномъ, побесѣдуемъ при свиданіи, пока—простите, и за мою работу помолитесь!

Вашего Высокопреосвященства низжайшій слуга и богомолецъ епископъ *Сергій*.

Культуртрегеры киргизской степи.

Сравнительно еще недавно казакъ-киргизы¹⁾—были язычниками, державшимися такихъ вѣрованій въ духовъ воды, огня, дома и т. п., какихъ и понынѣ держатся разные шаманисты Сибири и Монголіи; но уже въ XVIII вѣкѣ стали мусульманами почти одновременно съ башкирами. Для послѣднихъ и еще татаръ въ Оренбургско-Уфимскомъ муфтіатѣ русскимъ правительствомъ было построено много мечетей, которыя до сего времени содержатся на счетъ казны, а къ казакъ-киргизамъ были посланы правительствомъ же особые муллы изъ уфимскихъ башкирцевъ, „чтобы учить ихъ грамотѣ Магомета“. И такъ казакъ-киргизы

^{*)} „Казакъ“—слово джагатайское (отъ Джагатай собственнаго имени 2-го сына Чингизъ-Хана): собственное имя племени или рода, отъ котораго происходилъ Тимуръ; нарѣчіе джагатайское, одно изъ древнихъ тюркскихъ нарѣчій, во уйгурское, говорятъ, древнѣе его, значеніе этого слова; храбрый, честный, искренній, вольный, бродяга, не имѣющій ни кола, ни двора, разбойникъ; турки и крымскіе татары Украину называютъ „казакъ валайаті“; киргизы себя называютъ „казакъ“. Названіе это они носятъ съ XVI столѣтія. Въ Туркестанѣ „казакъ“—общее названіе кочевыхъ племенъ.

перешли изъ язычества въ исламъ и тѣмъ удержаны отъ христіанства, къ которому въ сущности они сами стремились со времени принятія русскаго подданства, т.-е. со времени Анны Иоанновны и киргизскаго хана Абулкаира. И было время, когда киргизы переходили въ православіе массами—цѣлыми аулами; по совершеніи надъ ними таинства св. крещенія, на дорогу ихъ благословляли большими, какъ надмогильными, деревянными крестами, которые казакъ-киргизами возились съ собою при ихъ постоянныхъ перекочевкахъ, а во время стоянокъ клали ихъ въ кибитки,—такъ что христіанскую отъ языческой кибитки отличали по этимъ примѣтамъ.

Это было начало русской культуры, татарская же стала прививаться со времени Екатерины II, вмѣстѣ съ распространеніемъ ученія ислама среди казакъ-киргизовъ. Какъ русскіе, такъ и татары распространили среди полудикихъ тогда казакъ-киргизовъ первѣе всего винопитіе. Такъ какъ Коранъ считаетъ винопитіе грѣхомъ, то казалось бы, что у казакъ-киргизовъ не должно было бы быть мѣста употребленію крѣпкихъ напитковъ вообще, а вина—въ частности, но на самомъ дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе.

Относительно вина въ Коранѣ говорится слѣдующее: оно называется упоительною влагою (XVI, 69); въ немъ для людей есть великій вредъ, хотя есть и польза, но вреда больше, чѣмъ пользы (II, 216); винопитіе есть дѣло гнусное, дѣло сатаны. Кораномъ совѣтуется воздержаніе, благодаря которому человекъ можетъ быть счастливъ (V, 92—93); вино въ немъ называется „хамр“ (XVI, 69), т.-е. опьяняющій напитокъ, приготовленный изъ перебродившаго винограднаго сока, какъ разъясняютъ комментаторы мусульманскихъ книгъ.

Не подвергая вино абсолютному запрещенію (XXXVII, 46; LVI, 19; XLVII, 16; LXXXIII, 26—27), Коранъ привелъ въ смущеніе своихъ послѣдователей, казакъ-киргизовъ: одни изъ нихъ не рѣшались употреблять русское вино, т.-е. водку, утѣшая себя тѣмъ, что оно, по словамъ Корана (47, 16.17), дано будетъ имъ на томъ свѣтѣ въ раю, другіе, желая отыскать въ винѣ указываемую Кораномъ пользу, пьютъ его до потери сознанія, третьи смѣло пьютъ водку, утверждая, что она не есть „хамр“, такъ

какъ готовится не изъ винограднаго сока, а изъ хлѣбныхъ растений¹⁾.

Винопитіе распространено у казакъ-киргизовъ, преимущественно бѣдныхъ, такъ - называемыхъ „джатаковъ“, живущихъ бокъ-о-бокъ съ русскими переселенцами изъ Европейской Россіи, или съ татарами мусульманами; до прибытія первыхъ въ степи казакъ-киргизы не знали не только водки, но и хлѣба, а знали лишь молоко коровье, овечье, козье, кумысъ да мясо. „Джатаки“ теперь не кочуютъ, какъ другіе киргизы, живущіе подальше отъ русскихъ и татаръ, а живутъ осѣло при городахъ, въ большихъ и маленькихъ селеніяхъ, деревняхъ, отъ чего произошло ихъ названіе („джат“—лежать). Эти „джатаки“ служатъ у русскихъ или татаръ-мусульманъ работниками, пастухами и проч., занимаются разными ремеслами и посредничаютъ въ куплѣ и продажѣ между русскими и киргизами-стейняками, хотя не всегда удачно. Вслѣдствіе сильной конкуренціи съ стороны татаръ—этого своеобразнаго степнаго хищника. Среди „джатаковъ“ являются лица, принимающія христіанство и мухаммеданство, но пьянство развито и среди христіанъ, и среди мухаммеданъ. „Джатаки“-мусульмане охотно подражаютъ своимъ религіознымъ учителямъ-татарамъ, носятъ татарскую одежду, водятъ съ ними дружбу и угощаютъ ихъ. Когда татарамъ почему-либо нельзя понасть въ глубь степи для распространенія ислама, ихъ охотно зѣмляютъ „джатаки“, въ особенности, если покровительствуютъ имъ богатые татары—ихъ кредиторы-работники²⁾. Несмотря однако на то, что татары свысока глядятъ на киргизъ и обзываютъ ихъ въ пылу гнѣва „собаками“ или „русамъ“, т.-е. русскими³⁾, „джатаки“ совсѣмъ иначе относятся къ своимъ учителямъ-татарамъ:—обычно ихъ угощаютъ, и такъ какъ кумысъ у „джатаковъ“ водится въ рѣдкихъ случаяхъ, то хозяева обращаются къ тому, что есть подъ

1) Такое же отношеніе къ спиртнымъ напиткамъ существуетъ и среди крымскихъ татаръ.

2) Такіе же способы употребляются богатыми въ Казанско-Уфимскомъ краѣ при совращеніи старо-крещеныхъ татаръ въ мухаммеданство.

3) Названіе „русскій“ употребляется татарами по адресу киргизовъ, какъ ругательное.

руками: пиво, водкѣ и вино, изъ которыхъ особенно значительнымъ спросомъ пользуется пиво, какъ не предусмотрѣнное Кораномъ и любимое татарами. Пиво покупается ведрами и распивается довольно скоро; въ отвѣтъ на такое угощеніе и татаринъ водить „джатака“ по разнымъ пивнымъ лавкамъ, конечно не на свой счетъ, при чемъ оправдывается передъ своимъ младшимъ братомъ поговоркой: *не смотри на то, что я дѣлаю, а смотри на то, что тебѣ проповѣдую*. Въ результатъ угощеній „джатакъ“ оказывается достаточно обобраннымъ и, наученный опытомъ, становится не хуже самого учителя-татарина и въ умѣнныхъ кутить перегошеголяетъ его. Современный „культурный“ джатакъ умѣетъ курить табакъ, пить водку и пр., при чемъ весь крохотный заработокъ оставляетъ по вечерамъ въ какомъ-нибудь пивномъ заведеніи.

Встрѣтить богатаго джатака можно въ городахъ: Омскѣ, Семипалатинскѣ, Петропавловскѣ, Оренбургѣ, Троицкѣ, Атбасарѣ (Акм. обл.); за то бѣдныхъ джатаковъ много всюду; они представляютъ изъ себя подходящую почву для распространенія христіанства, но, къ сожалѣнію, наше духовенство не обращаетъ на нихъ должнаго вниманія. Джатаки, живущіе при селахъ и деревняхъ, занимаются большею частью пастушествомъ и отъ русскаго слова „отгопять“ называются по-киргизски: „одген кютюши“— „отгоняющіе пастухи“; лѣтомъ они пасутъ русскій или татарскій скотъ, а къ зимѣ прикочевываютъ къ „кыстау“, т.-е. къ общему зимнему стойбищу киргизовъ. Пастухи изъ джатаковъ стараются часто подражать русскимъ: носятъ полушубки русскаго покроя съ краснымъ кушакомъ, пьютъ водку, въ рѣдкихъ случаяхъ— пиво, курятъ махорку и пренебрегаютъ киргизскимъ прѣснымъ хлѣбомъ, печенымъ въ золѣ, предпочитая ѣсть русскіе сухари (сукар), которые они собираютъ въ праздники у русскихъ и называютъ „крестанай“ (отъ русскаго слова „Христа ради“). Собираніе же это обычное у пастуховъ и не считается между хозяевами и пастухами за нищенство; стоитъ только пастуху съ мѣшкомъ при сѣдлѣ подѣхать къ окну и закричать слово: „крестанай“, какъ тотчасъ же изъ оконъ высунутся головы хозяекъ съ горячими „калачами“ и заботливыми порученіями о своихъ „ско-

тинушках". Пастуху, кричащему у окна „крестанай“, зачастую подается и стаканчикъ русской водки, и сельскіе пастухи подражаютъ своимъ хозяевамъ—„козани“, „мирзамъ“¹⁾, но все-таки въ городахъ больше пьяницъ, чѣмъ въ деревняхъ. Сельскіе джатаки доходятъ очень рѣдко до того, чтобы пропить все [свое имуществу, и, къ сожалѣнію, спиваются обыкновенно до босаячества киргизы или татары, принявшіе христіанство, отъ своихъ оставшіе, а въ русскихъ не нашедшіе поддержки послѣ принятія крещенія. Татары по совращеніи русскаго человѣка или инородца въ исламъ совершенно изолируютъ его изъ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ; а русское православное духовенство поступаетъ какъ разъ наоборотъ и потомъ удивляется, что крещеный инородецъ отпалъ въ исламъ. Для христіанства полезнѣе, хотя и не скоро, пріобрѣсти одного трезваго да убѣжденнаго человѣка, нежели сотню ничего не стоящихъ пьяницъ, готовыхъ отпалъ при удобномъ случаѣ.

Такъ обстоитъ дѣло съ осѣдлыми киргизами. Среди степняковъ лицъ, употребляющихъ крѣпкіе напитки, пожалуй, меньше нежели въ городахъ и селеніяхъ среди „джатаковъ“, однако и въ степи встрѣчаются отчаянные пропойцы и картежники. Кутежи устраиваются обыкновенно во время дѣловыхъ заѣздовъ въ города на ярмарки и восхваляются, какъ удалство. Къ сожалѣнію, распространителями или поощрителями кутежей являются тутъ не татары, а русскіе, появляющіеся въ степи. Европейская культура въ киргизскую среду проводится и въ такомъ видѣ: волостные управители (сельскіе старшины), аульные старшины (деревенскіе старосты), народныя судьи и богатые киргизы нерѣдко записываются русскими просвѣтителями въ члены клуба, со взносомъ отъ 10 до 20 рублей въ годъ. Разумѣется, пекультурному

1) Слово „мирза“, или „мурза“ происходитъ отъ арабскаго мир (сокращ. изъ амир) князь, господинъ, начальникъ, у казан. тат. „мурза“—дворянинъ; у крымскихъ татаръ этотъ титулъ придается къ именамъ изъ благородной фамиліи. Слово это безъ собственного имени—секретарь, писарь; послѣ соб. имени означаетъ князя изъ шахской фамиліи, царской крови, какъ нѣкогда называли и потомковъ Тимура; передъ соб. именемъ—господинъ, всякій грамотный человѣкъ, въ частности—реда торъ.

киргизу въ клубъ или общественномъ собраніи нечего дѣлать: въ танцахъ принимать участіе онъ не можетъ; по-русски говорить чуть не какъ дитя, вотъ онъ и прибѣгаетъ къ угощенію себя и другихъ въ буфетѣ для поддержанія знакомства съ русской интеллигенціей. Тутъ киргизъ учится играть въ карты—и не безъ успѣха: хотя онъ умѣетъ и въ „бинтъ“ (винтъ) и „бреширансъ“ (преферансъ), но „володавъ“ (банкъ) и „девятый валъ“ даются ему легче. Русскими и своими мирѣами простой бѣдный киргизъ втягивается мало-по-малу въ азартныя карточныя игры и пьянство. О степени культурности своего собрата киргизъ судитъ по тому, какъ онъ обращается съ простолюдинами—гордо или ласково, какъ употребляетъ спиртные напитки и какъ понимаетъ толкъ въ разныхъ сортахъ табака. Распространителями подобной культурности нерѣдко являются киргизы—итомцы русскихъ школъ, когда они достаточно „обрусѣли“. Часто эти лица по возвращеніи домой становятся въ положеніе „вороны въ павлиньихъ перьяхъ“ и такъ какъ окружающая ихъ среда имъ не по душѣ, то они и оставляютъ ее, превращаясь въ толмачей или писарей, или спиваются, или же, за неимѣніемъ доступныхъ имъ пониманію на русскомъ языкѣ книжекъ, журналовъ, газетъ, взаимѣ ихъ, начитавшись разныхъ мусульманскихъ религіозныхъ брошюръ и листочковъ, со свидѣтельствомъ объ окончаніи курса ученія въ русскихъ школахъ, идутъ въ татарскіе мектебѣ¹⁾ и медресѣ²⁾, чтобы стать муллой, и такимъ образомъ черезъ два-три года отъ его европейской культуры остается, быть-можетъ, только умѣнье пить пиво. Само собою разумѣется, что причинами распространенія среди киргизъ пьянства, куренія табаку и прочаго разврата являются не культура въ благородномъ смыслѣ, а ея извращенія. Но, несмотря на все вышесказанное, среди киргизъ нѣтъ пока поголовнаго пьянства и нищеты. Хотя у киргизъ въ настоящее время и нѣтъ того широкаго богатства,

1) „Мектебѣ“—школа, училище.

2) „Мудэррисъ“—профессоръ, учитель, наставникъ; медресѣ—высшее училище, семинарія при мечети, медресаі-дулят, медресаі-шарріа—училище правовѣдствія; медресаі-гилуси—университетъ.

какое было у нихъ прежде, до появленія „культуры“, но тѣмъ не менѣе они и теперь по-своему богаты и сыты, а дѣло русской интеллигенціи—чиновниковъ и духовенства—непридержанъ упомянутую „культуру“, какъ путемъ распространенія трезвости, такъ и собственнымъ примѣромъ трезваго, разумнаго образа жизни, благодаря чему государство будетъ имѣть здоровое и зажиточное населеніе взаменъ убогихъ „джатаковъ“, этихъ паріевъ степи. Къ „культурѣ“ надо отнести и сифилисъ—„тегекотур“, которымъ, по свидѣтельству доктора Бѣлиловскаго, заражена чуть не половина киргизскихъ степей и который идетъ изъ городовъ, нигдѣ нѣмъ не останавливаемый.

Не лишнимъ считаемъ сказать, что нѣкоторые современники несправедливо увѣряютъ, что мухаммедане вообще не пьютъ вина; его пили въ древнихъ халифатахъ, пьютъ и теперь въ Крыму, Туркестанѣ, Персіи, Египтѣ и Турціи, пьютъ его и интеллигенты, хотя не всегда публично, а чаще дома при закрытыхъ дверяхъ, окнахъ и воротахъ, пьютъ и нищіе, дервиши. Мухаммедъ, напр., только впоследствии запретилъ винопитіе по слѣдующему случаю: однажды во время „намаза“ стоящіе позади Мухаммеда нарушили порядокъ намаза своимъ неумѣстнымъ и неприличнымъ смѣхомъ. Мухаммедъ видитъ, что нарушители пьяны, и запретилъ будто бы изъ-за этого винопитіе. Одинъ персидскій, преданный исламу, философъ называетъ вино вѣрнымъ средствомъ для возбужденія благоговѣнія къ Богу, а опьяненіе—экстазомъ, во время котораго человѣкъ возвышается до любви къ Богу; современные намъ турки, желая покутить, приглашаютъ товарищей отвѣдать вмѣстѣ „сухой воды“, „влажнаго огня“, т. е. европейской водки. Кто же наставитъ на путь трезвости малокультурныхъ казаковъ-киргизовъ; когда Турція, стоящая во главѣ суннитовъ, не подаетъ имъ примѣра въ трезвости? При такомъ положеніи вещей кто же можетъ поручиться за то, что „хаджи“—паломники изъ киргизъ при проѣздахъ черезъ Константинополь въ Мекку и Медину вмѣстѣ съ турками-проводниками въ Стамбулѣ послѣ трудовъ своихъ „праведныхъ“ не отвѣдаютъ „влажнаго огня“?..

Интересно въ заключеніе отмѣтить, что среди киргизъ сложилось такое мнѣніе: отдать дѣтей въ школу—испортить; о по-

ложеніи образованныхъ дѣвицъ-киргизокъ говорить нечего: ихъ положеніе такое же, какъ вообще образованныхъ мусульманокъ. Кто и что можетъ гарантировать ихъ отъ участи злополучной гаремной жизни? За границею онѣ находятъ для себя выходъ въ принятіи христіанства. (Оренб. еп. в.).

Н. Симургъ.

Изъ приходскихъ записокъ якутскаго священника.

Утромъ, только что я всталъ и вмѣстѣ съ семействомъ сижу и пью чай. Вдругъ раскрываются двери, вбѣгаетъ съ улицы восьмилѣтняя дѣвочка изъ сосѣдней юрты якута Игнатія и, задыхаясь отъ волненія, заявляетъ:

— Мои люди просили отворить сейчасъ царскія двери.

Мы всѣ крайне удивились. и не успѣли спросить отъ нея разъясненія на наше недоумѣніе, какъ она снова повторила:

— Очень просили открыть сейчасъ же, — и выбѣжала обратно.

Не понимая, что это значить, мы продолжали сидѣть молча въ недоумѣніи.

— Должно-быть, совершаются трудные роды, — наконецъ догадалась жена.

— Да и вѣрно, вѣдь, Игнатьева-то жена ходила на послѣднихъ дняхъ беременности!..

Я оставилъ пить чай и сейчасъ же пошелъ къ Игнатію.

Оказывается, тамъ совершались дѣйствительно роды и крайне тяжелыя. Вчера вечеромъ жена Игнатія слегла въ постель, всю ночь промучилась и подъ утро разрѣшилась сыномъ. Домашніе сперва обрадовались, думая, что роды этимъ окончились, но потомъ схватки начались снова и, какъ заявила бабка, вторымъ младенцемъ... Роженица тяжело страдала. Домашнія средства не помогали. Всѣхъ объялъ страхъ. Тогда послали ко мнѣ отворить царскія врата. Въ моей практикѣ это средство вообще не употребляется, но разъ (и единственный) мнѣ къ нему пришлось прибѣгнуть, съ совершеніемъ молебствія (по указанію руководства Булгакова), при трудныхъ двойниковыхъ родахъ

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

ШЕДШЕ научите всѣ ѡзыки, крѣщае
ихъ во имя Оца и Сна и Свѣтаго Дѣха.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

1900.

Годъ восьмой.

ТОМЪ I.

№ 8.

А П Р Ъ Л Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОБ. Д.

—
1900

Три религіи Китая: конфуціонизмъ, таизмъ (даосизмъ) и буддизмъ не находятся во враждебномъ отношеніи другъ къ другу, но мирно уживаются рядомъ. Каждый изъ 400 милліоновъ обитателей Небесной имперіи, если онъ, какъ жрецъ или монахъ, не стоитъ въ болѣе близкомъ отношеніи къ одной изъ этихъ религій, безразлично посѣщаетъ ихъ храмы для поклоненія тому божеству, въ которомъ встрѣчается необходимость въ данную минуту, пользуется конфуціанскими обрядами для чествованія праха предковъ и изучаетъ конфуціанскія книги для сдачи государственнаго экзамена, представляющаго единственный путь къ занятію мѣста чиновника ¹⁾).

У киргизовъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ довелось встрѣтить Пасху въ киргизской степи. Я находился тогда въ степени по дѣламъ службы и не успѣлъ еще окончить даннаго мнѣ порученія, какъ наступила внезапно оттепель, заиграли овраги, вскрылась и забушевала рѣка. Что касается меня, то я готовъ былъ плыть хоть по горло въ водѣ, только бы выбраться къ Святой изъ степи, но на мою бѣду никто изъ киргизъ не рѣшался двинуться въ путь. Волей-неволей, пришлось переждать половодье.

Зимовки, въ которыхъ я имѣлъ случай встрѣтить праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ, были расположены на возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ снѣгъ быстро стоялъ, но кругомъ пѣнистыя волны, съ страшнымъ рокотомъ, несли цѣлыя лавины льда. Въ воздухѣ тянуло тепломъ, сыростью и прѣлымъ навозомъ. Летѣли грачи, гдѣ-то высоко, высоко пѣлъ жаворонокъ. Киргизы весело смотрѣли на картину обновленія природы, предвкушая скорую возможность выбраться изъ своихъ душныхъ зимовокъ на приволье родныхъ степей. И что это за своеобразныя постройки, эти киргизскія зимовки! Сооруженныя изъ дерна,

¹⁾ Изъ книги: „Азія. Иллюстрированный Географическій Сборникъ“.

онѣ обмазаны внутри, для вящаго благообразія, мѣсивомъ изъ глины; въ одномъ углу отгороженъ четырехугольникъ — теплое помѣщеніе для хозяевъ; остальное пространство обращено въ огромный азбаръ (хлѣвъ), гдѣ укрывается, обыкновенно, отъ зимнихъ непогодъ скотъ. Надъ всѣмъ зданіемъ рѣшетчатый потолокъ изъ жердей, покрытый сѣномъ, соломой или камышемъ, а сверху земель. Теплая часть зимовки, т. е. помѣщеніе для хозяевъ, двумя узкими высокими печами (вѣрнѣе—очагами) раздѣлена на три „бульме“ (комнаты); средняя между печей, прямо противъ двери, застлана кошмами и коврами съ цѣлой горой подушекъ на нихъ, такъ называемая „Тюря-дзягъ“ (почетное мѣсто), предназначается обыкновенно для кунаковъ (гостей). Одна изъ боковыхъ служить кухней. Здѣсь вмазаны котлы для варки махана, въ которыхъ выпаривается также иногда и хозяйское бѣлье; тутъ-же около стѣнъ валяются старья, ежедневно употребляемая сѣдла; по стѣнамъ висятъ уздечки, камши (нагайки) и т. п. Другое боковое отдѣленіе—комната для хозяевъ,—здѣсь ночью спать, а днемъ занимаются рукодѣліемъ женщины, здѣсь-же онѣ принимаютъ и своихъ знакомыхъ, такъ какъ въ кунацкую „тюря-дзягъ“ прекрасный полъ не допускается. Двери зимовокъ не обиты, и рѣзкій морозный вѣтеръ дуетъ во всю мочь въ открытыя щели стѣнъ, заборовъ и перегородокъ. Печи въ зимовкахъ топятся лишь тогда, когда требуется варить пищу, а потому отъ дыма, копоти и пара зимовка подвергается рѣзкимъ переменамъ температуры воздуха. Вотъ въ одной изъ такихъ хижинъ мнѣ и пришлось встрѣтить свѣтлый праздникъ. Кровью обливалось сердце, когда наступила страстная суббота: пришлось питаться вонючей кобылятиной, прошлогодней еще заготовки (сугумъ), такъ какъ за отдаленностью зимовокъ отъ русскаго жилья ни за какія деньги не возможно было достать даже хлѣба.

Такъ или иначе, но и я все-же собирался встрѣтить по своему праздникъ: кое-какъ добылъ кислаго молока (айранъ), нѣсколько кусочковъ сыра (крутъ), немного вареной колбасы изъ конины (казы) и заставилъ хозяйку-киргизку напечь побольше лепешекъ на салѣ (жалпакъ нан). Если добавить ко всему этому

жареную вонючую баранину и ведерный самоваръ, то получится представлѣніе о моемъ импровизированномъ пасхальномъ столѣ...

Наступила страстная суббота. Я съ ранняго утра началъ испытывать тяжелое чувство какого-то угнетенія и старался забыть въ молитвѣ. Но въ голову лезли невозможныя мысли... Ко всему этому, за одной изъ перегородокъ металась въ жару больная женщина и ея стонъ раздиралъ мою душу...

— „Кто это, хозяинъ, у тебя такъ стонетъ“?

— „А это, тюре, мать, больно плохъ, завтра бакса тащимъ“!

Я много слышалъ о даргерахъ, этихъ своего рода киргизскихъ шаманахъ, и попросилъ позволенія присутствовать при леченіи киргизскаго знахаря.

— „Мужна, мужна, тюре!“ согласился, хозяинъ обтирая рукавомъ халата катившійся по его лицу потъ.

Пришедшій утромъ на другой день бакса былъ радушно принятъ хозяиномъ и усаженъ на почетное мѣсто. Выслушавъ о болѣзни киргизки, знахаръ потеръ рукой лобъ и глубокомысленно заявилъ „съ ней это *сюзекъ*!“

— „Ну да это ничего, успокоилъ онъ: это не „жинъ“ (порча), а простой *сюзекъ*! Ходить кругомъ нынче *желъ* (повѣтріе)“...

Сказавъ это, бакса сталъ не торопясь настраивать кобызъ. Это струнный инструментъ, похожій въ миниатюрѣ на русскій контръ-басъ; деревянный же смычекъ, которымъ баксы водятъ по струнамъ кобыза, выдолбленъ желобкомъ. Тѣмъ временемъ, пока знахаръ настраивалъ свой инструментъ внесли больную. Это была безобразная старуха, съ провалившимся ртомъ и тощая какъ скелетъ. Увидѣвши свою пациентку, бакса велѣлъ положить ее передъ собой на кошму, а самъ заигралъ на кобызѣ. Подъ дико-унылые звуки своего инструмента бакса напѣвалъ что-то заунывнымъ голосомъ, и, какъ послѣ я уже узналъ, вызывалъ тѣмъ „джина“ (духа). У каждого баксы есть свой джинъ, который и помогаетъ ему при леченіи. Въ данномъ случаѣ духъ назывался Наръ-тайлакъ. Вызывая этого духа, бакса произносилъ довольно оригинальное заклинаніе: „Наръ-тайлакъ,

ты страшный человекъ; ты побывай въ Хивѣ, Бухарѣ, Москвѣ и Петербургѣ, вездѣ разговоры веди, нигдѣ не останавливайся и прилетай назадъ“ и т. д. Подобныхъ заклинаній у баксы найдется много. По вызовѣ джина, игра на кобызѣ и пѣніе прекратились и съ баксой начался припадокъ: онъ сталъ ломаться и грызть себѣ руки; у рта его показалась пѣна; глаза закатились подъ лобъ и весь онъ почернѣлъ. Это все означаетъ, что въ баксу начинаетъ вселяться его джинъ, по окончательномъ вселеніи котораго наступилъ и конецъ припадка. Тогда бакса взялъ въ руки ножъ (тупой тесакъ) и началъ колоть имъ себя въ шею и пропускать его съ боку черезъ животъ, при чемъ кричалъ джину: „тартъ“! т. е. тащи черезъ животъ! и въ то же время чмокалъ губами и подсвистывалъ. Послѣ этого бакса всталъ и началъ ходить по землянкѣ, пѣть и разговаривать со своимъ „джиномъ“, билъ себя въ грудь „токпакомъ“ (колотушкой), бралъ въ руки огонь, а также продѣлывалъ разные фокусы, какъ напримѣръ, разсѣкалъ тесакомъ кошму, которая, несмотря на это, оставалась цѣлой и невредимой.

Продѣлавъ все это, бакса сказалъ какъ самой больной, такъ и окружающимъ ее, что джинъ обѣщаетъ ему выгнать изъ больной недугъ и переселить его на кобылу гнѣдо-карей масти, не старше 4-хъ лѣтъ. Тогда сынъ больной приказалъ отыскать такую кобылу и зарѣзать. Вотъ и все леченіе. При уходѣ бакса былъ щедро надѣленъ мелкимъ скотомъ и такъ утѣшалъ всѣхъ: „джинъ знаетъ, джинъ не вретъ!“

Но несмотря на то, что джинъ все „знаетъ и никогда не вретъ“, старуха на другой день скончалась; я перешелъ въ тотъ же день въ другую землянку.

Киргизъ не поразила нисколько ложь баксы—онъ не вретъ, а значить такъ захотѣлъ самъ великій Кудай! (Богъ) ¹⁾.

Н. И—въ.

¹⁾ Изъ „Тург. газ.“ № 15—16.